

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.23>

UDC 81'42:2
LBC 81.055.51

Submitted: 30.07.2018
Accepted: 22.08.2018

PARTICIPATIVE RITUALITY: MULTIMODAL RESEARCH ON RELIGIOUS COMMUNICATION IN THE CHURCH INTERIOR

Anna A. Petrova

Volgograd State University, Volgograd, Russia
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Reinhold Schmitt

Institute of the German Language, Mannheim, Germany

Oleg E. Stulberg

Lutheran-Protestant Church of Sarepta, Volgograd, Russia

Abstract. In this article, the execution of a ritual as a component of religious communication is analysed. The ritual, in which the church community remembers the deceased, is celebrated in the evangetic church of Sarepta (Volgograd) on the last Sunday of the church year, the so-called 'eternity Sunday'. The study of the ritual is based on two scientific approaches: ethnomethodology and multimodal interaction analysis. These approaches make it possible to analyse the social and cultural practices of church visitors in conjunction with the organisation of church service.

Specifically, it becomes possible to:

- a) develop new scientific paradigms when analysing the actual use of the church interior,
- b) identify basic religious activities of communication in church,
- c) introduce new concepts into scientific use,
- d) present the ritual of remembrance in Sarepta as a complex, multimodally constituted religious event,
- e) focus the coordination of linguistic, physical and spatial activities of church visitors and clerics at different stages of church service and to understand their respective social content and communicative status.

For analysing the video recordings of the church service, the concepts of 'architecture-for-interaction' and 'social topography' are used, making it possible to discover new aspects of spatial influence on communication. The concept of 'architecture-for-interaction' provides the framework for answering the question of how the church interior in Sarepta contributes to the organisation of the ritual. Forms of situational use of space and the cultural knowledge underlying this use are captured with the concept of 'social topography'. From a structural viewpoint, the analyzed ritual in Sarepta is based on organization and division of responsibilities, consists of phases of structural non-simultaneity, has a three-positional spatial basis, and is structurally open. Because of these characteristics, the execution of the ritual can be described as 'participatory rituality'. Participatory rituality allows for a religious socialization which lets the community members participate as active and legitimate participants in religious communication and autonomously contribute to the execution of the ritual.

Key words: religious communication, religious socialization, participative rituality, ritual, church community of Sarepta (Volgograd), multimodal interaction analysis, architecture-for-interaction, social topography.

Citation. Petrova A.A., Schmitt R., Stulberg O.E. Participative Rituality: Multimodal Research on Religious Communication in the Church Interior. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 210-222. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.23>

УДК 81'42:2
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 30.07.2018
Дата принятия статьи: 22.08.2018

ПАРТИСИПАТИВНАЯ РИТУАЛЬНОСТЬ: МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕРКВИ

Анна Александровна Петрова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Райнхольд Шмитт

Институт немецкого языка, г. Мангейм, Германия

Олег Эткардович Штульберг

Евангелическо-Лютеранская церковь Сарепты, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье как часть религиозной коммуникации анализируется ритуал, совершаемый в последнее воскресенье церковного календаря («Воскресенье вечности») в евангелической церкви Сарепты (Волгоград), когда община вспоминает об умерших. Исследование проведено в русле этнометодологического и мультимодального подходов к интеракции, что позволило описать социальные и культурные практики при посещении церкви и в условиях проведения богослужений. При этом стало возможным: а) выделить новые научные парадигмы при изучении фактического использования пространства церкви; б) зафиксировать основные религиозные формы активности в процессе коммуникации в церкви; в) ввести в научный оборот новые концепты; г) представить религиозный ритуал в Сарепте как комплексное мультимодальное религиозное событие; д) зафиксировать в различных фазах совершения богослужения у членов общины и священнослужителей координацию языковой, телесной и пространственной активности и определить социальное наполнение и коммуникативный статус этих действий. В процессе изучения видеозаписей богослужения в Сарепте в научный обиход были введены новые понятия – «интеракционная архитектура» и «социальная топография», которые позволили раскрыть влияние пространства на протекание коммуникации. Понятие «интеракционная архитектура» введено при изучении влияния пространства церкви в Сарепте на религиозную коммуникацию и совершение ритуала, понятие «социальная топография» – при описании форм ситуативного использования пространства и культурных знаний, лежащих в основе этого использования. Исследуемый ритуал организационно разделен, состоит из фаз структурной разновременности, обладает трехпозициональной основной структурой и структурно открыт. Выявленные характеристики позволяют обозначить ритуал как «модель партиципативной ритуальности». Партиципативная ритуальность способствует религиозной социализации: представители общины являются активными и легитимными участниками совершения религиозного коммуникативного действия и способствуют развитию ритуала.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, религиозная социализация, партиципативная ритуальность, ритуал, церковная община Сарепты (Волгоград), мультимодальный анализ интеракции, интеракционная архитектура, социальная топография.

Цитирование. Петрова А. А., Шмитт Р., Штульберг О. Э. Партиципативная ритуальность: мультимодальное исследование религиозной коммуникации в пространстве церкви // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 210–222. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.23>

Введение

В евангелическо-лютеранской церкви Сарепты (бывшей немецкой колонии, ныне входящей в состав Волгограда), в последнее воскресенье литургического календаря, в день поминовения усопших («Воскресенье вечности», или «День Вечности») проходит литургическое богослужение, составной частью которого является особый ритуал: зачитывание (оглашение) имен умерших и зажжение свечей в память о них. Согласно христианскому вероучению смерть человека не прекращает отношений, связывавших его с живыми людьми, что находит свое выражение в молитвенном поминовении умерших.

Настоящее исследование ставит своей целью с аналитической точки зрения и на ос-

нове эмпирического материала – видеозаписей богослужений в евангелическо-лютеранской церкви Сарепты, сделанных в 2016 г., – реконструировать специфику совершения литургического элемента ритуала «вспоминания об усопших» (или «поминовения усопших») в пространстве церкви на предмет выявления его основополагающих качеств, социальных и ритуализованных спецификаций, характерных для евангелическо-лютеранской общины Сарепты.

Актуальность такого исследования обусловлена научной новизной поставленной цели, связанной с обращением к социальным и культурным практикам при посещении церкви и в условиях проведения богослужений, и включающей: а) выделение новых научных парадигм при изучении восприятия реального про-

странства церкви, таких как мультимодальный подход к интеракции применительно к ритуализованному действию; б) введения в научный обиход новых концептов при исследовании базовых форм деятельности в пространстве конкретной церкви в различных фазах проведения богослужений, таких как социальная топография и интеракционная архитектура; в) реконструкции комплексного мультимодального религиозного события; г) изучения данной категории в русле мульти- и мономодальности; д) закрепления за выделенной категорией новых характеристик, предполагающих, что в условиях современного информационного пространства референтное событие, преломленное сквозь призмы дискурса (вербальное отражение в коммуникативном пространстве) и мультимодальности (аудиовизуализация, восприятие и продуцирование), предстает в другой ипостаси и приобретает новые характеристики.

Разработанность проблемы в науке

Охарактеризуем проблемы изучения пространства, в том числе пространства церкви, религиозного социума и религиозного дискурса в социологии (социологии религии) и языковедении, так как именно данные научные направления являются основными при изучении построения и функционирования модели интеракции в пространстве церкви.

Внимание социологов в последнее время нацелено на установление закономерностей социального пространства, выявление институциональных форм поддержания социально-пространственного порядка, многообразия и единства социально-пространственных взаимодействий и пространственных практик, социокультурных механизмов освоения пространства; представляется, что социальная реальность онтологически и пресуппозиционно пространственна.

Социологи (Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, И. Гофман, Г. Гарфинкель и др.) исследовали символический срез социального и социокультурного пространства. Г. Зиммелю принадлежит идея о пространственных проекциях социальных форм, под которыми он понимает структурирование пространства, локальную структуру, фиксированные локальности как

выражения социальных связей (социальные единицы, локализованные в пространственных формах), пустое пространство как выражение нейтральности. Пространство понимается им как основа социальной организации (принцип локальности), что для нас важно [Simmel, 1995a; Simmel, 1995b] (о социологии пространства Г. Зиммеля см. также: [Филиппов, 2008, с. 83–117]). Поскольку в нашу задачу не входит детальное изучение категории «социальное пространство» (в этом отношении существовали два принципиально различных подхода к пониманию пространства – Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, впоследствии объединенные П. Бурдьё), присоединимся к мнению А.Ю. Барковской, которая считает, что А.Ф. Филиппов наиболее точно и емко определяет категорию «социальное пространство», а именно как: 1) порядок социальных позиций, например, статусов, сосуществующих таким образом, что занятие одной позиции исключает занятие другой, подобно тому, как в физическом пространстве вещи одной и той же природы не могут занимать в одно и то же время одно и то же место; 2) характеристику любого пространства (зоны, территории, места, региона, локала), поскольку его составляющие (границы, объекты) имеют социальное происхождение; 3) физическое пространство, поскольку на него проецируется принцип распределения и соотношения социальных позиций [Барковская, 2013, с. 54].

Изучение пространства церкви сопрягается и с изучением религиозного социума, и в этом аспекте в связи с нашей работой обнаруживаются два направления: синхронические и диахронические исследования религиозного дискурса и социологические исследования религиозных общин.

Применительно к социологии религии в контексте социологии православия приведем мнения М.Ю. Смирнова, И.В. Забаева, Д.А. Орешина, Е.В. Пруцкова о том, что в России только начинается социологическое описание современного православного духовенства: и в плане его социально-демографической характеристики, и в ракурсе сопоставления священников и монахов советского времени с нынешним поколением служителей культа, и в плане вертикальных и горизонтальных взаимоотношений внутри института священнослужителей, так-

же и по многим другим направлениям (образование, семейные отношения, приходская жизнь и т. д.) [Смирнов, 2014, с. 141].

Существуют также эмпирические исследования М.А. Подлесной и В.В. Мельниковой, проведенные в православном приходе, в которых рассматриваются сценарии жизненных стратегий взрослых инвалидов, а также отношение общества и его церковной части к их проблемам (нетрудоспособности и болезни в целом). На основе глубинных интервью с преподавателями мастерских при религиозной общине и групповых интервью с инвалидами предпринимается попытка определить роль церковной общины в преодолении последствий стигматизации и «испорченной идентичности» [Подлесная, Мельникова, 2015, с. 145]. Подобных социологических изысканий на примере других христианских конфессий мы не обнаружили.

Обращаясь к религиозному дискурсу, заметим, что наиболее изучены в разных аспектах религиозные тексты, описана речевая организация православной проповеди и молитвы; в отечественном языковедении приведенные направления основываются преимущественно на синхронно-диахроническом подходе, целью которого является раскрытие характера соотношения и взаимодействия фактов истории языка и его современного состояния (В.В. Потапов, Н.Л. Шамне, О.А. Прохвятилова и др.).

Термин «религиозная коммуникация» появился в связи с изучением религиозной языковой личности и определяется в настоящее время на основе нескольких подходов: теории функциональных стилей (Т.М. Кругликова, Л.В. Левшун, Н.Л. Мухелишвили, О.А. Прохвятилова, И.Ю. Ярмульская), теории дискурса, и, следовательно, религиозного дискурса (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Е.В. Бобырева, Е.В. Аверьянова, А.М. Морозова, А.В. Олянич), теолингвистики (А.К. Гадомский), теории речевых жанров, социоллингвистики (религиозный (православный) социолект, особенности проявления религии и конфессии на вербальном и невербальном уровнях – И.В. Бугаева). Анализируя коммуникативную компетенцию, в том числе и в невербальном аспекте, Е.В. Бобырева выделяет стадии ее развития: интуитивный дилетант, рефлексивный дилетант, рефлексивный практик, рефлексивный теоретик и компетентный теолог.

На нулевом или подготовительном уровне в процессе становления коммуникативной компетенции в рамках религиозного дискурса человек пытается использовать свои базовые знания культуры и общие навыки общения для установления контакта и поддержания общения в рамках религиозного института. На этом уровне, по мнению авторов, чрезвычайно важное значение приобретает ритуал. Участие в коммуникации нередко возможно без вербальной реализации, на первое место выступают в этом случае невербальные ритуальные действия: срабатывает принцип «делай как я». Человек, впервые пришедший в храм, старается вступить в невербальное общение, присутствуя на службе и повторяя то, что делают окружающие – зажжение свечи, поклоны, крестное знамение – все это первые шаги, во многом подготовительный этап вхождения в религиозную коммуникацию [Бобырева, 2013, с. 267].

С точки зрения взаимоотношения институциональности и дискурсивности следует отметить, что религиозный дискурс есть особый тип институционального дискурса с определенными ценностями, дискурсивными формулами, стратегиями, участниками, особенностью постановки целей, жанрами.

В рамках социологического подхода с позиции участников общения все виды религиозного дискурса распадаются на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурс. Последний может иметь институциональный и неинституциональный характер в зависимости от того, какие религиозные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Степень ритуальности религиозного дискурса исключительно высокая, поэтому (и в силу своей символической нагруженности) он обладает содержательной рекурсивностью и твердой формальной фиксацией [Богачевская, 2006]. Ритуал по своей сути является инициацией, или переходом одного из его участников в новый статус (конфессиональный, иерархический и т. п.). Ритуальная тональность общения жестко закрепляет иерархию в коллективе и обосновывает сформированную в нем систему ценностей [Paul, 1990, S. 11–17].

Совершенно ясно, что все указанные исследования являются мономодальными,

поскольку в них изучались либо текстовый и вербальный (звучащая речь), либо социальный пласты богослужений и проповеди.

Отечественными социологами и социолингвистами не проводились комплексные исследования, затрагивающие социальные, пространственные, вербальные структуры в конкретный момент богослужения, включенность в него религиозной общины как социума. В этом плане интересным представляется изучение экзотетического говорения, предпринятое Р. Шмиттом, Р. Филером и С. Ендич, в котором «на основе видеодокументов анализируется посещение церкви, в процессе которого участники эксперимента визуально воспринимают пространство церкви и вербально его обозначают и описывают объекты, находящиеся в поле их индивидуального внимания» [Schmitt, Fiehler, Öndüç, 2018, с. 152]. Метод экзотезы дал авторам возможность «выделить три концепта, отличающие индивидуальное восприятие пространства церкви: церковь как функциональное религиозное пространство, церковь как место, в котором изображаются фрагменты жизни Иисуса Христа, и церковь как архитектурно-исторический объект» [Schmitt, Fiehler, Öndüç, 2018, с. 152]. Таким образом, комплексное изучение религиозной коммуникации требует нового – мультимодального – подхода к интеракции, совмещающего социологический, культурологический и языковедческий подходы. Мультимодальный подход сформировался в рамках междисциплинарного исследовательского направления – «мультимодальности», главная цель которого – стремление изучать коммуникацию в пространстве в ее естественном состоянии, не редуцируя ее до какой-либо одной модальности: вербальной, аудиальной, визуальной (П. Бурдье, Г. Гарфинкель, И. Гофман, С. Холл, Г. Кресс, В. Лабов, Т. ван Лейвен, М. Халлидей и др.).

Подходы к исследованию и его задачи. Мы используем следующие подходы: этнометодологический и мультимодальный (взаимосвязь языка и кинесиковизуальных ресурсов); при этом мультимодальность как новое междисциплинарное научное исследовательское направление, первоначально выделенное в социологии, является для нас основным при изучении модели богослужения.

В нашем понимании «мультимодальность» не родственна «мультимедийности», или «мультимедиальности» (см. подробно: [Schmitt, 2015]). Поскольку мы изучаем интеракцию в пространстве церкви, а любая социальная интеракция по сути своей мультимодальна, то основополагающими являются методы включенного наблюдения (этнометодология) видеоанализа эмпирического материала и реконструкции, которые применяются с учетом бинарности категориальной структуры «симультанность – сукцессивность» и имплицитивности как единственно эмпирически верного и доступного в интеракции.

Предпринятые исследовательские действия позволят нам: а) зафиксировать динамическую, статическую и социальную активность прихожан в пространстве церкви в различных фазах или конкретной фазе богослужения; б) зафиксировать динамику и статику священнослужителей в пространстве церкви во время проведения ритуала богослужения; в) реконструировать модель совершения ритуала «поминование усопших» и определить ее социальный статус с точки зрения включенности / невключенности представителей общины в ритуализованное действие.

Для решения таких задач нам потребуются и новые понятия: «интеракционная архитектура» и «социальная топография».

Интеракционная архитектура и социальная топография. Понятия «интеракционная архитектура» и «социальная топография», впервые описанные Р. Шмиттом и Х. Хаусендорфом в рамках мультимодального подхода к исследованию интеракций и пространства интеракций являются центральными при осмыслении интеракционных и пространственно-аналитических отношений, связанных с процессами коммуникации, протекающими в определенных пространствах (помещениях) и социальных группах [Hausendorf, Schmitt, 2016].

«Социальная топография» – теоретическое представление об использовании определенного пространства, включающее знания людей о пространстве и его использовании, полученные в результате культурных и социальных практик – опыта, приобретенного на основе восприятия реального пространства (например, прихожане православной церкви знают, что в алтарную часть верующим входить нельзя).

В контексте нашего исследования социальная топография характеризует презентно структурированную ориентацию в сакральном религиозном пространстве церкви, первично предназначенном для совершения богослужений, в котором применимы объективно данные и пространственно обусловленные возможности, такие как ходить в отдельном пространстве, касаться объекта, осмотреть / увидеть что-либо, использовать объекты. Перечисленные возможности могут служить и основой для социальной классификации пространства: суд, школа, спортивная площадка, музей и т. п. Человек должен располагать знаниями о функциональности пространств; представление об их назначении и дает нам социальная топография.

Исследование коммуникации с использованием понятия «интеракционная архитектура» позволяет ответить на вопросы о том, как архитектура пространства обеспечивает, определяет, препятствует, дает возможность состояться интеракции и каким образом можно эмпирически реконструировать интеракционно-архитектурные импликации или «скрытые», но потенциально осознанно воспринимаемые (сенсорно и моторно обнаруживаемые / узнаваемые) и эмпирически зафиксированные формы проявления архитектуры.

Р. Шмитт и Х. Хаузендорф на основе аудиовизуальных документов и в рамках выше названных понятий демонстрируют возможности исследования интеракционного пространства церкви во время богослужения. Ключевыми характеристиками при изучении любого ритуализованного действия, в том числе в пространстве церкви, по мнению К. Белл, Г. Вагнера, Р. Шмитта, Х. Хаузендорфа, становятся: а) формализация, которая реализуется, например, в том, что составными частями ритуала «помяновение усопших» являются зачитывание (оглашение) имен умерших и зажжение свечей; б) повторение и инвариантность; в) опора на традицию. Ритуализованная интеракция представляет собой структурируемую и структурированную деятельность, иначе, структуру группы, находящейся за ритуалом или принимающей участие в нем [Bell, 1997; Schmitt, Petrova, 2018; Wagner, 2007].

Обратимся к анализу ритуала «воспоминание об усопших», проводимого в день по-

миновения усопших – «Воскресенье вечности» – в евангелическо-лютеранской церкви Сарепты г. Волгограда¹. Итак, анализ проводится с позиции мультимодального подхода к интеракции, позволяющего построить концепционную триаду: «интеракционная архитектура» – «социальная топография» – «интеракционное пространство».

Реконструкция ритуала «воспоминание об усопших»

Ритуал «воспоминание об усопших» представляет собой часть богослужения и совершается на 50-ой минуте службы. Начальными фазами ритуала являются: а) провозглашение пастором порядка ритуала; б) описание пастором ритуала; в) описание пастором участия прихожан церкви в ритуале «зажигание свечи».

А) Прежде всего, пастор проговаривает, то есть эксплицитно выражает то, что он разъяснит прихожанам правило совершения ритуала²:

22 я напомним еще раз правило (0.5)
23 э (1.0) как это (1.0)
помяновение усопших
происходит↓

Формулировка *я напомним еще раз* свидетельствует о том, что предполагаемые к совершению действия уже ранее многократно совершались, имеют отчетливо выраженный, кодифицированно закрепленный статус. Таким образом реализуется практика, ритуально зафиксированная в сознании прихожан как «опора на традицию».

Б) Далее следует конкретное описание ритуала с уточнениями: так как пастор зачитывает иногда несколько имен умерших от одной семьи, то он предлагает ставить свечи не за каждое оглашаемое им имя, но коллективно, за всю семью:

24 я буду зачитывать (-)
25 фамилии (.) имена ваших
близких и родных
26 э (1.5) поскольку в списке
находятся (1.0)
27 несколько имен э от одной
фамилии
28 то (1.0) я предлагаю
29 чтобы зажгли одну свечу на
семью

В) В заключение пастор объясняет последовательность действий прихожан во время возжигания свечей:

30 и ставили ее в подсвечник (0.5)

31 свечи надо зажигать

32 от алтарной свечи

33 которая находится на алтаре (5.5)

Объяснение ритуала важно с точки зрения того, как должны вести себя прихожане во время зажигания свечей и, главное, как они должны двигаться и что делать в пространстве перед алтарем и в пространстве алтаря.

Интересными в этой связи представляются два жестикуляторных указания пастора: прежде всего он показывает правой рукой на находящийся в полутора метрах от него в пространстве алтаря подсвечник, предназначенный для установки зажженных свечей (рис. 1). Затем он поворачивается к алтарю и указывает правой рукой на алтарную свечу, от которой необходимо зажигать свечи (рис. 2). Таким образом, основные позиции ритуала выражены мультимодально: вербально и жестикуляторно. При этом пастор ни вербально, ни жестикуляторно не указывает на свечи, предназначенные для возжигания и расположенные в форме креста на первой от алтаря скамье, от которых, собственно, и начинается путь прихожан к алтарной свече.

Рис. 1. Указание на подсвечник

Рис. 2. Указание на алтарную свечу

Эксплицитно выраженные действия пастора обозначают роль прихожан: они, скорее, осуществляют его указания и принимают участие в ритуале. С этой точки зрения и в рамках традиционной формальной концепции ритуала религиозные действия в Сарепте обладают рефлексивностью и транспарентностью; они ориентируют на партисипативность (participation или со-участие), нежели на формальную ритуальность, что является здесь главным.

После краткой молитвы пастор приступает к оглашению имен умерших:

47 в воскресенье вечности

48 мы молим тебя

49 прими наши молитвы

50 за тех сестер и братьев

51 кто покинул этот мир

52 соединившись через святое крещение с тобой

53 имена которых мы называем (5.5)

Совершение ритуала. Мы выбрали для анализа из почти двадцатиминутного ритуала зачитывания имен умерших три сегмента, которые прототипичны для реконструкции модели «воспоминания об усопших», поскольку они связаны с базовыми аспектами ритуала. В нашем обозначении эти аспекты представляются как: 1) «структурная разновременность»; 2) «трехпозициональная основная структура», вскрывающая пространственную

организацию (или динамику пути) процесса за-
жигания свечей; 3) «структурная открытость»,
которая отчетливо проявляет признак партици-
пативности в совершении ритуала.

Важными деталями в ритуале являются
следующие: а) зачитываются имена умерших
от одной семьи, независимо от года их смер-
ти; таким образом, пастором оглашается от-
носительно много или несколько имен; б) све-
чи возжигаются не только в память об одном
умершем от семьи, но и за семью или семьи
одного умершего, так что модель ритуала при-
обретает генеалогический характер; в) ука-
занные позиции а) и б) способствуют различ-
ной временной последовательности в «огла-
шении имен» и «зажигании свечей» или в их
координации.

Исследуем **первый сегмент в ритуале** – «структурную разновременность». В ре-
конструированной нами модели ритуала не
может существовать четкой ориентации на
структурную одновременность совершения
действия, как, например, это локально про-
исходит в некоторых реформированных цер-
квях Германии, где оглашается имя одного
умершего в определенном году в определен-
ной общине, и помощник пастора или один из
членов общины, находясь в пространстве ал-
таря рядом с подсвечником, зажигает в па-
мять об умершем свечу. В нашем примере
фиксируется динамика движения представи-

телей семей в пространстве церкви: сначала
к скамье, где находятся поминальные свечи,
затем к алтарю, к алтарной свече и наконец
к подсвечнику, куда следует поставить све-
чу (рис. 3). Существуют случаи, когда пред-
ставители двух семей могут находиться в
пространстве алтаря, при этом имя умерше-
го первой семьи уже не является релевант-
ным для второй, но релевантно для общины
в целом (рис. 4).

Пастор оглашает три имени от семьи
«Шютц» (рис. 3)³:

68 шютц валерий владимирович (3.0)

69 шютц иван якубович (2.0)

70 шютц рихард иванович (3.0)

После трехсекундной паузы он зачиты-
вает следующее имя, но уже другой семьи и
делает более длительную паузу в пять с по-
ловиной секунд:

71 майер борис антонович (5.5)

Представителя первой семьи еще на-
ходится на пути к алтарю, в то время как
представитель второй семьи уже находится у
него, а через несколько секунд они оба стоят
у алтарной свечи, так что в поле зрения об-
щины на определенное время попадают пред-
ставители двух семей (рис. 4).

Пастор продолжает зачитывать имена
умерших, в то время как представитель пре-
дыдущей семьи еще находится в пределах
пространства алтаря.

Рис. 3. Структурная разновременность в ритуале (фрагмент 1)

Рис. 4. Структурная разновременность в ритуале (фрагмент 2)

Зафиксированы также случаи, когда семья не упоминается общиной (родственник отсутствует), однако это никак не отражается на протекании ритуала, поскольку важно в данной модели то, что община поминает всех умерших, в том числе и каждого поименно названного. Это свидетельствует, скорее, о категориальной, чем об индивидуальной ориентации ритуала, что и выражается иногда в несовпадении зачитывания имени умершего или умерших, телесно-пространственной репрезентации и видимой репрезентации тех умерших, представители которых отсутствуют на богослужении. Предпосылкой этого в первую очередь является децентрализованная, трехпозиционная пространственная структура значимых объектов: свечи на первой от алтаря скамье, алтарная свеча, подсвечник для зажженных свечей.

Исследуем **второй сегмент в ритуале** – «трехпозиционную основную структуру» процесса зажигания свечей. Рассмотрим импликации, заложенные в такой структуре. Участие / поведение представителей общины в совершении ритуала характеризуется тремя составляющими: оно вербально абстинентно (или вербально не обозначено), телесно-пространственно (связано с положением тела в пространстве) и отличается оп-

ределенной динамикой передвижения в пространстве. Например, все осторожно и медленно передвигаются в пространстве алтаря с зажженной свечой в руке, часто прикрывая ее свободной рукой, что продуцирует ситуацию, при которой несколько представителей общины находятся в пространстве алтаря, ожидая, когда один представитель семьи поставит свечу на подсвечник; кроме того, зажженная свеча иногда гаснет и прихожанин вынужден возвращаться к ней вновь. Обозначенная здесь импликация свидетельствует о децентрализованной пространственной основе совершения ритуала.

Следующая импликация связана с ситуацией, когда прихожанин забывает взять свечу со скамьи и, вступив в пространство алтаря, возвращается за его пределы, чтобы взять свечу. Иными словами, он вынужден скорректировать динамику своего движения и положения в пространстве церкви во время ритуала.

Другая важная импликация также «встроена» в трехпозиционную основную структуру процесса зажигания свечей и выражается в том, что представители общины должны четко придерживаться трех позиций передвижения в пространстве церкви в момент совершения ритуала, соответственно,

они продолжительное время находятся в поле зрения общины, иными словами, они обладают правом легитимного и продолжительного присутствия в пространстве алтаря и определенной длительностью репрезентации умершего. Последний символизируется и поминается (репрезентируется) не только оглашением своего имени и зажженной свечой (здесь, вероятно, можно говорить и о семиотической символизации умершего зажженной свечой), но и символическим путем представителей умершего к трем сигнификантным объектам: свечам на первой церковной скамье, алтарной свече и подсвечнику с зажженными свечами. Именно воспринимаемый всеми путь представителей общины и составляет основной вклад каждого прихожанина в совершение ритуала. Таким образом, трехпозиционная основная структура ритуала обладает важным качеством: она не продуцирует риски, но как интегрированная в интеракционную архитектуру гарантирует и обеспечивает партиципативность (со-участие в ритуале) представителей умерших.

Данная ориентация на participation предполагает **наличие третьего сегмента ритуала** – «структурной открытости», в которой имплицированы потенциальные возможности самостоятельного и индивидуального движения к трем сигнификантным объектам. В конце ритуала поминовения усопших, когда пастор, повернувшись к алтарю, совершает мо-

литву, пожилая женщина из третьего ряда скамеек, повторяет симультанно с молящимся пастором путь к алтарю и действия прихожан, как если бы пастор продолжал оглашать имена умерших. В это же время другая пожилая прихожанка, ободренная возможностью принять участие в ритуале, также координирует и повторяет всю динамику движения уже предыдущей женщины и прихожан в целом. Они вновь оказываются вместе с пастором в пространстве алтаря, у алтарной свечи, но уже в тот момент, когда ритуал оглашения имен умерших завершен (рис. 5):

97 просим тебя **за**⁴ этих людей
 98 держи их крепко
 99 твоею милостью в руках
 100 чтобы они всегда чувствовали вечную
 101 радость в царствии твоём

Поведение обеих женщин представляет интересным с той точки зрения, что обе прихожанки уже без официального повода оказываются легитимными и потенциальными участниками ритуала, позиционируют себя как члены общины, при этом их поведение в пространстве церкви, фиксируемое общиной и религиозными служителями (на службе присутствует пастор из Германии), не воспринимается как «ненорма» и, соответственно, не дестабилизирует и не прерывает ход богослужения. Такое возможно в том случае, если модель совершения ритуала структурно открыта.

Рис. 5. Структурная открытость ритуала

Выводы

В результате проведенного исследования нами были выявлены следующие важные конститутивные составляющие ритуала «помяновение усопших»:

- плацирование, или место в богослужении: через 50 минут после начала богослужения;
- длительность совершения ритуала: примерно 12 минут;
- участники ритуала: пастор, представители семей умерших родственников, представители общины;
- использование пространства: пастор – статически, прихожане – динамически;
- модальность совершения ритуала: частично деритуализованная транспарентная ритуальность (община) и ритуальность (пастор);
- координация: (частичная) одновременность в оглашении имен и зажигании свечей;
- категориальный базис ритуала: семья (группа);
- вербальная презентация умерших: в соответствии с принадлежностью к семье, генеалогическая; с лингвистической точки зрения высказывания пастора маркируются просодически замедленным темпом произнесения, многочисленными долгими и сверхдолгими паузами, короткими синтагмами с относительным замедлением ударных гласных и интонационно повторяющимися последовательностями восходящих движений тона и незавершенными мелодическими контурами;
- репрезентанты умерших: индивидуумы (индивидуально), представители семей и родственники.

В результате реконструкции элемента богослужения – ритуала совершения помяновения усопших – в евангелическо-лютеранской церкви Сарепты мы пришли к выводу о том, что он реализуется по модели, которую можно обозначить как «модель партисипативной ритуальности», или «партисипативного ритуализованного действия». Ритуал осуществляется при активном участии членов семей умерших, родственников, являющихся одновременно прихожанами церкви, задача которых состоит в помяновении усопших возжиганием свечей. Основным аспектом, импортируемым трехпозициональной основной структурой, обеспечивающей ритуал, стано-

вится аспект «светскости», выражаемый практически ориентированным поведением прихожан, направленным на действия со свечами (зажигание, защита пламени рукой, транспортировка к подсвечнику), что приводит к расширению структуры совершения ритуала. Импликации, заложенные в партисипативной модели, реализуются в том, что представители общины способны определить порядок и образ оглашения имен родственников. Модель характеризуется структурной открытостью, что ведет к созданию особой модальности совершения ритуала.

Нами исследовалась русско-немецкая община, которая является не только религиозным, но и культурным сообществом, объединяющим представителей социального меньшинства в регионе, и вполне вероятно, что именно этот аспект важен при проведении ритуала помяновения умерших в Сарепте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указанные здесь и далее в скобках цифры (например, 0.5) обозначают длительность паузы в м. сек. и сек.; стрелка фиксирует интонацию; цифры перед строкой в транскрипте, например, 22, 23 и т. д., являются номерами строк, приведенных в качестве примеров для анализа из транскрипта всей видеозаписи. Транскрипт выполнен по правилам, принятым в Институте немецкого языка г. Мангейма (Германия); в транскрипте нет пунктуации и, соответственно, выделение высказываний осуществляется посинтагменно.

² Видеозаписи богослужения, анализируемые в разделе «Реконструкция ритуала “воспоминание об усопших”», выполнены за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

³ По правилам транскрибирования аудио- и видеодокументов всем реальным именам в транскрипте присваиваются маски (вымышленные имена).

⁴ Координация текста транскрипта и фрагмента видеозаписи маркируется выделением шрифта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барковская А. Ю., 2013. Социологическая интерпретация категории «социальное простран-

- ство» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. № 1 (19). С. 49–55.
- Бобырева Е. В., 2013. Характеристики коммуникативной компетенции в рамках религиозного дискурса // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». № 2.1. С. 265–272.
- Богачевская И. В., 2006. Религиозный дискурс как объект философско-религиоведческой рефлексии // Культура народов Причерноморья. № 79. С. 119–121.
- Подлесная М. А., Мельникова В. В., 2015. Религиозная община в жизни инвалидов // Социологические исследования. № 10. С. 145–151.
- Смирнов М. Ю., 2014. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. № 8. С. 136–142.
- Филиппов А. Ф., 2008. Социология пространства. СПб.: «Владимир Даль». 285 с.
- Bell C. M., 1997. *Ritual. Perspectives and dimensions*. Oxford; New York: Oxford University Press. 351 p.
- Hausendorf H., Schmitt R., 2016. Interaktionsarchitektur und Sozialtopografie. Eine Konzeptklärung // *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum* / Hausendorf H., Schmitt R., Kesselheim W. (Hg.). Tübingen: Narr (Studien zur Deutschen Sprache. Bd. 72). S. 27–54.
- Paul I., 1990. *Rituelle Kommunikation. Sprachliche Verfahren zur Konstitution ritueller Bedeutung und zur Organisation des Rituals. Kommunikation und Institution*. Vol. 18. Tübingen: Narr. 308 S.
- Schmitt R., 2015. Positionspapier: Multimodale Interaktionsanalyse // *Ko-Konstruktionen in der Interaktion. Die gemeinsame Arbeit an Äußerungen und anderen sozialen Ereignissen* / Dausendschön-Gay U., Gülich E., Krafft U. (Hg.). Bielefeld: Transcript. S. 43–51.
- Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S., 2018. Exothese als Erhebungsmethode und Analysegrundlage // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 2. С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>
- Schmitt R., Petrova A. A., 2018. Das Lutherish-Protestantische Abendmahl Als Koordinationsproblem Und Positionierungsaufgabe: Beispiele Aus Russland Und Deutschland // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 4. С. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.8>
- Simmel G., 1995a. *Soziologie des Raumes*. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. S. 132–183.
- Simmel G., 1995b. *Über räumliche Projektionen sozialer Formen*. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. S. 201–220.
- Wagner G., 2007. Herrschaft und soziales Handeln – eine Notiz zur Systematisierung zweier soziologischer Grundbegriffe // *Macht und Herrschaft. Zur Revision zweier soziologischer Grundbegriffe* / Gostmann P., Merz-Benz P.-U. (Hg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH Wiesbaden. S. 19–26.
- Barkovskaya A. Yu., 2013. Sociological interpretation of the category of ‘social space’. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], no. 1 (19), pp. 49-55.
- Bobyreva E.V., 2013. Communicative competence features within religious discourse. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”], no. 2.1, pp. 265-272.
- Bogachevskaya I.V., 2006. The religious discours as an object of philosophical and religious consideration. *Kultura narodov prichernomorya*, no. 79, pp. 119-121.
- Podlesnaya M.A., Melnikova V.V., 2015. The role of religious community in the life of disabled people. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10, pp. 145-151.
- Smirnov M.Yu., 2014. Religious sociology and sociology of religion: interrelation and relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8, pp. 136-142.
- Filippov A.F., 2008. *Sociology of space*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ. 285 p.
- Bell C.M., 1997. *Ritual. Perspectives and dimensions*. Oxford; New York, Oxford University Press. 351 p.
- Hausendorf H., Schmitt R., 2016. Interaktionsarchitektur und Sozialtopografie. Eine Konzeptklärung. *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum*. Tübingen, Narr (Studien zur Deutschen Sprache. Bd. 72), pp. 27-54.
- Paul I., 1990. *Rituelle Kommunikation. Sprachliche Verfahren zur Konstitution ritueller Bedeutung und zur Organisation des Rituals. Kommunikation und Institution*. Tübingen, Narr, vol. 18. 308 p.
- Schmitt R., 2015. Positionspapier: Multimodale Interaktionsanalyse. Dausendschön-Gay U.,

REFERENCES

- Gülich E., Krafft U. (eds.) *Ko-Konstruktionen in der Interaktion. Die gemeinsame Arbeit an Äußerungen und anderen sozialen Ereignissen*. Bielefeld, Transcript. pp. 43-51.
- Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S., 2018. Exothese als Erhebungsmethode und Analysegrundlage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 2, pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>
- Schmitt R., Petrova A.A., 2018. The Lutheran-Protestant Last Supper as a problem of Coordination and Positioning (the Case of Russia and Germany). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 4, pp. 75-94. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.8>
- Simmel G., 1995a. *Soziologie des Raumes. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp*, pp. 132–183.
- Simmel G., 1995b. *Über räumliche Projektionen sozialer Formen. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp*, pp. 201–220.
- Wagner G., 2007. Herrschaft und soziales Handeln – eine Notiz zur Systematisierung zweier soziologischer Grundbegriffe. Gostmann P., Merz-Benz P.-U., eds. *Macht und Herrschaft. Zur Revision zweier soziologischer Grundbegriffe*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH Wiesbaden, pp. 19-26.

Information about the Authors

Anna A. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of German and Roman Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia; Senior Researcher, Research Laboratory “Intellectual technologies of text management”, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, petrova.anna@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Reinhold Schmitt, Doctor of Sciences (Sociology), Member of the Department of Pragmatics, Institute of the German Language, R 5, 6-13, D-68161 Mannheim, Germany, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <http://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Oleg E. Stulberg, Provost of the Lutheran-Protestant Church of Sarepta, Izobilnaya St., 10, 400026 Volgograd, Russia, sarepta1765@mail.ru

Информация об авторах

Анна Александровна Петрова, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия; старший научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, д. 18, 420008 г. Казань, Республика Татарстан, Россия, petrova.anna@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Райнхольд Шмитт, доктор социологии, научный сотрудник отделения прагматики, Институт немецкого языка, R 5, 6-13, D-68161 г. Мангейм, Германия, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <http://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Олег Э. Штульберг, протест, пастор евангелическо-лютеранской церкви Сарепты, ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Россия, sarepta1765@mail.ru